

Любовь Александровна

1941

В то время я жила и работала в Костроме. 13-го августа мне был предъявлен ордер на арест. Почему-то меня отвезли в г. Ярославль. С первого же допроса следователь яростно потребовал моего покаяния в содеянном преступлении. Каком?! Оказалось, что где-то я рассказала три недопустимых анекдота. "Сознайтесь, а то вам будет плохо". В общей камере меня убедили "подписаться", а то применят физическое воздействие и все равно выплот. Да, в коридоре я видела доску с фамилиями тех, кто выполнял план по обработке дел арестованных... Я подписалась. После этого следователь сделался очень добреньким. Я попросила разрешение на свидание с матерью. Она приехала в Ярославль, но свидание не разрешили... В ноябре 1941г. меня судили в Народном суде. Привезли и одного моего знакомого (я с трудом его узнала), якобы свидетеля рассказанных мной анекдотов. Он стал каяться суду в "поклепе" на меня, но на это не обратили внимания. Женщина-защитник просила судью оставить меня на прежней работе, где я "приносила пользу". Но прокурор заявил, что все равно меня надо наказать - дать 8 лет лагеря. Судья, не глядя на меня, объявил, что я приговорена к 8 годам заключения в лагере и 5-и годам поражения в правах. Меня отвезли в "Коровники" - предэтапную тюрьму. Здесь было множество народу, и это и множество человеческих дыханий обогревало помещение зимой.

1942

Зима стояла лютая. Нас мало выводили на прогулку - и из-за морозов и из-за бомбежек немцами Ярославля. На крыше тюрьмы находились *зенитки*, от их действия дрожал весь дом. Когда возникали тревоги перед налетами - вся тюремная обслуга уходила в бомбоубежище, а нас запирали. Только в апреле месяце меня взяли на этап.

В Москве побыли в Таганской пересыльной тюрьме, а потом нас повезли в поезде с решетками на окнах — в Сибирь, — через Южный Урал, Челябинск. Долго простаивали на запасных путях станций. Были в пути больше месяца. Я лежала плашмя на верхней полке и смотрела через решетку, коридор и другую решетку на остальной мир... Разминкой были лишь хождения в уборную под конвоем. Конвой выдавал нам на день пайку хлеба, две сухих рыбины и кипяток (кружки 3-4). Когда нас выгрузили в Новосибирске, от нас воняло за километр (ведь не было ни мытья, ни умыванья). Пересыльная тюрьма была переполнена.

И мы толпою сначала стояли в каком-то помещении, прижатые друг к другу, поочередно опускаясь на корточки для передышки. Утром нас развели по камерам. Через некоторое время нас погрузили в трюм парохода и повезли по Оби, потом по ее притоку Томь — в Томск. Повели нас в обход города, пешком. Когда падали, то конвой все же давал нам полежать на дороге, чтобы набраться каких-то сил.

В лагере я попала на работу в деревообделочный цех, где мы шлифовали грубой наждачной бумагой деревянные гребешки. Цех был огромный, полутемный, грязный. Работала по ночам. Вши грызли шею и голову. Плана я не могла выполнить, поэтому получала пайку хлеба небольшую. Мужчины, все больше с Украины, план выполняли бойко и им разрешили громко петь украинские песни. На обед кормили затирухой — кусочки муки в кипятке. У большинства з/к начала развиваться цинга, в том числе у меня. Слабели зрение и слух. Я похудела так, что меня звали "мешок с костями". Я не могла противостоять ветру.

1943

И эта зима было лютой. Спали в нетопленных бараках, не раздеваясь, в валенках, прикрывались еще кое-какими вещами. Заедали вши. В бане бывали раз в десять дней и там отмывались от них. Но главным бичом лагеря была пиллагра; при этой болезни кишечник ни-

чего не усваивал, и люди умирали от полного истощения. Мертвецов складывали, как дрова в поленницах и вывозили на дровнях за ворота. Каждого ударяли молотком по голове — "А вдруг он жив и убежит, когда вывезут"... Я попала в больницу с начинающейся пилагрой. И тут непостижимым, чудесным образом около меня очутилась Анто-
нина Алексеевна Малюта. Она была томичкой, получала хорошие передачи, уделяла для меня хорошее питание и выходила, спасла от гибели... Потом она попросила заведующего конторой взять меня к себе на работу. Он был в числе з/к, но с маленькой привелегией, бывший секретарь обкома (Киевского), фамилию его я, увы, забыла. Я сказала, что не умею считать на счетах. Он посмотрел на меня внимательно: "Выучитесь, только старайтесь". Пока я старательно училась, поглядывал на меня издали, от своего стола и ободрял улыбкой глаз. Я быстро выучилась.

Начальник лагеря был очень строгий, с высоты своего величия всех нас презиравший. Среди нас была очень опытная портниха. И вот ее стали отвозить на квартиру начальнику и там она обшивала его жену. Сшила платьев она много, но ее ни разу не покормили. Измученную, ее вечером привозили обратно в лагерь. И вдруг — снимают с должности этого начальника и отдают под суд за превышение власти в личных интересах. Это было как в сказке... Заступил его начальник, державшийся с достоинством и справедливо-строго. Начальники лагеря делали свои обходы с адъютантами без оружия. В прошлом были случаи, что з/к ухитрялись вырвать это оружие и расправиться. Каждый день были утренние и вечерние переклички, выстраивались во дворе по-военному. На работу ходили все вместе, а спали политические и уголовные по своим баракам. На день наш барак пустел, и мы догадались нанять вскладчину одну воровку в сторожа кое-какого нашего имущества. Она была польщена нашим доверием и охраняла барак от воров... Политическим з/к не разрешалось заведовать столовой, складом, быть поваром, и воры крали, что могли. Событием большим было, что

мои близкие родные разыскали меня (при помощи Костромы, куда я наобум послала письмо), и теперь мы стали переписываться!! Кроме того, они стали посылать деньги подруге Антонины Алексеевны в Томск, и та приносила мне раз в неделю передачи. В столовой кормили

овсом, его

. Спасали нас передачи, посы-
 лочки. Некоторые подрабатывали разными услугами за пайку хлеба, ко-
 торая в лагере служила "валютой". Только теперь мы узнали о ходе
 военных действий на фронтах (из писем), а то питались самыми фан-
 тастическими слухами. Радио и газет мы не имели. У меня завязалась
 дружба с бывшим одним польским офицером, который хорошо рисовал. Я
 заказывала ему рисунки для моей маленькой далекой племянницы, она
 их с удовольствием получала. Расплачивалась я хлебным пайком. Но бед-
 ного художника скоро унесла в могилу чахотка, начавшаяся на почве
 истощения. Письма я получала аккуратно: почтовым цензором теперь
 был мой добрый покровитель — бывший секретарь Киевского обкома. Он
 бесконечно писал заявления об отправке его на фронт, но пока ответом
 было молчание.

1944

Баракы наши уже сколько-то отапливались. Мы окончательно от-
 скребли и отмыли своих вшей и стали спать даже с простынками на меш-
 ках, набитых стружкой из столярного цеха. Общались все население
 лагеря свободно. Завязывались "романы", приживали даже детей, кото-
 рые отдавались в детдома. Если в столовой мужчина и женщина ели из
 одной миски, значит, они были муж и жена... На пустырь с кое-какой
 травой, в теплые времена, по выходным выходили и прохаживались з/к
 группами, парами, а то и в одиночку, взирая на близкие синюющие гря-
 ды бесконечной тайги. Много было поведено на этом пустыре всяких
 историй и трагедий. Много слез и воздыханий слышал этот пустырь...

Меня перевели на работу в Нормбюро, нормировщиком, в маленькую отдельную комнату. Я составляла и подсчитывала все лагерные довольственные ведомости, и они всегда принимались 2-й частью, так как мой списочный лагерный состав всегда совпадал с данными 2-й части. Работала я помногу. Кроме меня в этом помещении сидел начальник нормбюро. Первым начальником при мне был ленинградец, бывший военный с хорошими манерами. Он стеснялся меня, так как я знала про его роман с одной из з/к. Он сказал, что сполна мне доверяет и проверять меня не будет. Работать было спокойно. Счеты мои щелкали неустанной барабанной дробью, как у Равеля в его "Болеро". Иногда я заходила к моему соседу, цензору - "нет ли весточек" - и всегда видела его глубоко-грустные глаза. Он изнывал от своих переживаний. Но вот пришло разрешение на отправку его на фронт, куда он поехал с конвоиром... Грустно было оставаться без такого "ангела-хранителя"...

1945

Наконец-то наши бараки были удостоены проводкой радио. Оно работало с помехами, но это было крупным событием. Часто передавалась музыка Чайковского, особенно утром, когда умываешься над большим тазом... Наши войска продвигались все ближе к Берлину. Ходили упорные слухи об амнистии, даже женщинам, родившим детей или беременным, с 58-й статьей. Начался переполох. Некоторые захотели досрочно освободиться, забеременев от кого попало. "Благодетели" набивали цену... И вот, наконец, нас выстроили всех во дворе. Была объявлена амнистия от тов. Сталина лично. Торжественно произносились все его титулы. Долгожданный день Победы лагерь отматил как мог. Был устроен концерт силами самодеятельности.

В нормбюро появился новый начальник - простецкий человек с Владимирщины, страстный охотник. Его бесконечные рассказы об охоте мне очень мешали. Точно не помню в каком году начальником лагеря был назначен Маслов. В любое время, любого з/к он принимал, выслушивал и старался ему помочь. Все до единого окрестили его "отцом

родным". Но за это-то он и был снят с работы, проработав не слишком долго...

В наших обедах стали появляться супы из свекольной ботвы с примесью картошки — какой это был вздох облегчения! С Антониной Алексеевной дружба крепла, она продолжала мне помогать во всем, как могла. Никак не ожидала, что у нее возникнет роман с одним инженером (он сидел за немецкое происхождение, но был вполне обрусевший). Она твердо верила, что он ей будет верен, когда его освободили, а она еще оставалась в лагере.

1946

Все сибирские зимы были суровыми. Нам выдавали неказистые ватники, валенки со старыми калошами и шапки-ушанки. Все было как бы на одно лицо. На стенках в башнях зябли дежурные стрелки и топали ногами, чтобы их не отморозить. Снег мы разгребали, конечно, сами. Я продолжала составлять довольственные ведомости. Пайки были разные: итэровцам самые большие, простым работягам грамм 500, инвалидам 250. Приварок улучшался. Как я должна была точно подсчитывать пайки... Любителя охоты сменил на посту начальника нормбюро сибиряк, отбывавший срок за слово "да" (что есть особые недоступные лагеря). Его сменил следователь Томского НКВД, наказанный за воровство американских посылок. Его поместили отдельно и оберегали от уголовников, которые могли бы с ним расправиться. Он много всего рассказывал из своей жизни. Жена приносила ему на свиданиях прекрасные книги, а он предлагал мне ими пользоваться, и я с великим наслаждением перечитала "Войну и мир", "Анну Каренину" и другие. В барак я возвращалась усталой (после напряженного дня) и плюхалась на свое "ложё", впадая в прострацию, а потом только входила в окружающую жизнь. Наше ядро обитателей барака как-то сплотилось, делили вместе и горе и небольшие радости.

Осенью под конвоем нас гоняли на поле копать картошку. Ходила и я. Конвой был жестокий, почти не давал передышек. Свои ведомости

дорабатывала потом, через силу. Весточки от близких родных ободряли.

1947

Теперь моим начальником в нюрнберге стал мужчина из уголовного мира. Почему его сюда назначили? Он был полный невежда во всем. Значит, и в лагерях некоторые из з/к пользовались "блатом"... Этот начальник спал здесь же, в этой комнате. Когда я приходила утром, он еще лежал под одеялом. Услышав мои шаги, он первым наперво надевал фуражку, потом высовывал голые ноги, а потом вылезал из-под одеяла почти голый. Я отворачивалась, пока он одевался, побряхтывая и спрашивая о погоде. "Ну-с, с добрым утром и с веселым днем". Это был сигнал, что я могу начинать работать. Он качал головой на мою усидчивость и исполнительность: "Можно уж не так стараться. Что вам орден, что ли, повесят? Никогда этого не будет". Я старалась лишь углубляться в работу и не входить в разговоры. Событием было назначение заключенным сахарных пайков. Работы прибавилось. Пайки были разные и требовалась точность подсчета. Я стала замечать, что мой начальник стремился меня принудить к иному подсчету, т.е. обсчитывать инвалидов и излишки присваивать себе (конечно, для спекуляции). В ужасе от этого я поведала об этом Антонине Алексеевне. Она твердо посоветовала: "Идите в 3-ю часть и обо всем расскажите". С каким страхом и трепетом шла я в 3-ю часть, ноги подкашивались. Но начальник принял меня просто, деловито. "Этот тип хочет и своих обделить, нажиться, какой негодяй"... Утром пришел в нашу контору сам начальник лагеря, мне сказал, что я остаюсь на работе, а "начальника" попросил немедленно отправиться в распоряжение коменданта, - ему дадут иную работу. С какой злобой ко мне ушел он, хлопнув дверью! И он в этом же году отомстил мне.

В лагере формированием этапов занимались врачебные комиссии, все полномочия на этот счет принадлежали им, а не начальнику лагеря. У моего бывшего "начальника" оказался там какой-то "блат". Он подсказал, что нужно на этап взять меня, а то я "заелась" здесь и глубокой осенью меня взяли на этап в "Итатку" — глухую тайгу — там з/к занимались лесоповалом... Дело было в сентябре, я получила письмо от сестры с описанием болезни и кончины нашей матери (1 августа) в дачной местности Подмосковья... Не знаю, как я отработала этот день со счетами, может быть, и путала, должно быть, перепечатывала — но мне было теперь все равно куда меня увезут и что со мной сделают. В бараке горевали со мной по поводу моей великой утраты, выражали сострадание. Это, конечно, было дорого. Антонина Алексеевна сказала с полной твердостью: "Помните, что мы будем на века и обязательно свидимся, я в этом уверена". (Впоследствии мы виделись много раз, уже будучи свободными).

1948

"Итатка". Глухая тайга. В ней валили лес ходившие на работу з/к, а расконвоированные шоферы занимались трелевкой — вывозкой поваленного леса. Непонятно, почему меня после первого же дня работы освободили от лесоповала, и я была назначена учетчиком на 3 объекта: в автопарк, на электростанцию и в слесарно-механический цех. Конвой привозил меня в тайгу, в маленький домик "автопарка", где на печурке железной я кипятила чайник к приходу рабочих на обед. Я была одна. Потом приходили шоферы из тайги, с трелевки. Это были все детинушки из числа махровых уголовников, между собой говорившие на своем жаргоне. Они сдавали мне путевки для подсчета. "А вот и чайничек бурлит, это хорошо, спасибо, хозяйка!", — потирали они свои грубые, грязные руки. Усаживались за плохо сколоченные стол "трапезовать" (руки все же кое как мыли). Еда их хранилась в столике. Пайки хлеба были у них увеличенными, Встречаясь с ними

взорами я почему-то не ощущала никакого страха. Ни разу я не услышала от этих мужчин что-нибудь пошлое. Они обращались со мной предупредительно, даже заботливо! Я подсчитывала им точно километры, претензий не было. Предлагали и угощение, какое было. По весне приносили черемуху - "На, нюхай весну!". Хотели обучить меня на шофера-механика! - "Может пригодиться в твоей жизни!" Разбирали машину, показывали и объясняли значение каждой части...

На электростанции я бывала одна. В слесарно-механическом цеху - опять среди людей. Очень трудно было постичь устройство этих станков. Надо мной благодушно подсмеивались - "не тушуетя".

1949

По воскресеньям заключенных не водили на работу. Они предпочитали отсыпаться, не вставая к завтраку. А я дорабатывала свои отчетные ведомости (по 3-м объектам) в бараке. Это занимало много времени и оно проносилось быстро. Прошла суровая зима, приходило теплое лето. И вот 13 августа, точно по исполнению 8 лет моего заключения, меня вызвали в лагерную контору, выдали справку об освобождении, билет на железную дорогу - из Томска до ст. Завидово по Октябрьской ж/д в Калининской области, в деревню Фофаново - выбранное мною место жительства. И сказали -приходить к проходной с вещами -

прощай, лагерь.